

ГЕНДЕР ПЕРСОНАЖЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ С.ХОУВ

© 2009 Ю.А.Плахотя

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 15.04.2009

В статье «Гендер персонажей в творчестве С.Хоув» автор рассматривает, как проявляется гендерная принадлежность персонажей в поэмах и эссе Сюзан Хоув. Гендер персонажей определяется их поступками и образом мышления под воздействием экстремальных условий. Автор рассматривает концепты «мужского» и «женского» в связи с двумя типами пространства – профанным пространством культуры и сакральным пространством wilderness. Именно пространство wilderness выступает в качестве решающего фактора гендерного самоопределения героев.

Ключевые слова: Сюзан Хоув, поэзия XX века, гендер, история.

Проблема гендера занимает важное место в поэзии Сюзан Хоув. Гендер рассматривается не как социальный пол, а скорее как образ поведения и мышления. В художественных произведениях С.Хоув мужчины и женщины часто меняются местами, попадая в среду, которая является чуждой для них и идеальной для противоположного пола. Связь пола и гендера преодолевается за счёт того, что деятельность персонажа моделируется в разнообразных условиях, экстремальных для него. В качестве места действия в поэзии С.Хоув присутствуют два типа среды, один из которых воплощает культуру, а другой – некое внекультурное пространство, которое условно можно обозначить английским словом «wilderness»¹. Женские и мужские персонажи оказываются в непривычной среде, и некоторые из них продолжают вести себя, согласно модели своего мышления, а другие адаптируются. Итог их действий сводится к тому, что те, кто смогли отбросить рамки, закрепощающие их сознания, совершают бегство от культуры, которое им даётся тяжело из-за того, что порицающая бегство цивилизация оказывается сильнее. Те, кто не смогли перестроиться на иную модель восприятия, также страдают, но уже из-за того, что не могут вернуться обратно в цивилизацию, так как культура не приемлет ни малейшего присутствия чуждого, а всё чуждое, несомненно, принадлежит к пространству wilderness, которое накладывает неизгладимый отпечаток на любого, побывавшего там.

В поэме «The Articulation of Sound Forms in Time» центральный персонаж, полковник Хоуп Атертон, теряется в лесу, и там с ним происходят необратимые изменения, которые не только рас-

крывают ему «женскую» перспективу взгляда на культуру, но и пробуждают его феминную сущность. Автор намекает, что феминность этого персонажа заложена уже в его женском имени, Хоуп. В тексте изменения гендерной принадлежности Атертона эксплицируются через изменение языка повествования. Язык, в том виде, в котором мы его знаем, является атрибутом культуры, его разрушение и преобразование демонстрирует изменение внутреннего мира героя. Атертон возвращается в цивилизацию, но она не принимает его: человек, испытавший воздействие wilderness, воспринимается культурой как чужой. Атертона, в частности, принимают за сумасшедшего, и он, сломленный, вскоре умирает.

Атертон – не единственная фигура, которая иллюстрирует главенство гендера над биологическим полом в поле культуры. В главе «Captivity and Restoration» книги «The Birth-mark» Хоув пишет о Мэри Ровалдсон, женщине, чьему перу принадлежит одна из повестей крайне распространённого в период фронтира жанра, который основывался на описании личного опыта пребывания в плену.

Мэри Ровалдсон – антипод полковника Атертона. Она женщина, но, являясь типичной представительницей и носительницей западной культуры, она крайне зашорена и не может воспринять сакральность пространства wilderness: «Rowaldson's apprehension of nature is an endless ambiguous enclosure... She has been condemned for her lack of curiosity about the customs of her captors (she was starving, wounded, weary), and her narrative has been blamed for the stereotypes of Native Americans as «savages» that later developed in this genre of American fiction»².

Мэри Ровалдсон попадает в плен к индейцам, т.е. на территорию wilderness, но даже там, несмотря на то, что она – женщина, а женщины в творчестве С.Хоув рассматриваются как проводники и носительницы сакральной информации, источником

⁰ Плахотя Юлия Анатольевна, аспирант кафедры романской филологии. E-mail: jabotikaba@yandex.ru

¹ Пространство «wilderness» – это некая, порой умозрительная, антиили просто внекультурная территория, выступающая конечной целью бегства от культуры, которое осуществляет лирическая героиня С.Хоув. Это многофункциональный и многоуровневый концепт, который наделён сакральной энергией, а также обладает своеобразными пространственными и временными характеристиками.

² Howe S. The Birth-Mark: Unsettling the Wilderness in American Literary History. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1993. – P.96.

которой является пространство wilderness, она не способна воспринимать сакральное. Ровалдсон настолько глубоко находится в парадигме патриархальной культуры, что по возвращении в неё болезненно вливается в привычную для себя модель существования. Кроме того, она записывает историю своего пленения и освобождения и добивается успеха как автор, хотя в художественной системе С.Хоув женщина не может иметь никакого дела с текстом, тем более с литературным – это прерогатива, которую присвоил себе мужчина.

Ровалдсон в своём повествовании слишком большую роль отводит божественному провидению, во всём полагаясь на бога, как на главный маскулинный символ западной культуры. Однако в художественном пространстве произведений С.Хоув пространство wilderness является такой мощной силой, что не может не оказать влияния на Ровалдсон. «Perhaps she told her story to assure herself and her community that she was a woman who feared God and eschewed evil»³, пишет С.Хоув. Чтобы вернуться в культуру, Ровалдсон нужно доказать свою лояльность. Продемонстрировать принадлежность к маркированной системе ей хорошо удаётся, когда она пишет книгу. Но ей также необходимо доказать, в первую очередь, самой себе, что она сохранял преданность цивилизации и когда находилась вне её. Доказать, что она подчинялась догматам официальной религии, пока пребывала в плену. Поэтому она позиционирует себя как жертву, а индеец как воплощение дьявольских сил. Логическим каркасом её повествования, объясняющим все причинно-следственные связи, является божественное провидение.

Однако Ровалдсон излагает события недостаточно искусно, чтобы скрыть объективную картину происходившего. Несмотря на то, что каждому своему поступку и переживанию она находит аналог в Писании, поступки и факты, которые она описывает, показывают разницу между реальными событиями и идеализированными притчевыми «аналогами». Но несмотря на всю неоднозначность ситуации, Ровалдсон держится за патриархальную культуру.

С.Хоув смотрит на проблему гендерной идентичности и поиска собственного голоса с «этой» стороны фронта, с точки зрения белых колонизаторов, среди которых она живёт и пишет, но сфера её интереса лежит по другую сторону. Она сосредоточивается на таких исторических сюжетах, где персонаж вынужден пересечь границу, как в случае с Хоупом Атертоном и Мэри Ровалдсон. Ещё одной такой исторической фигурой является Энн Хатчинсон. Она попала под светский и церковный суд в 1638 году. Выдвинутые ей обвинения были связаны с тем, что она исповедовала ковенант благодати, т.е.

утверждала, что истовой веры достаточно для спасения души. Джон Винтроп, выступавший на стороне обвинения, в своей обличительной речи назвал собрания, которые она проводила в своём доме «a thing not tolerable nor comely in the sight of God, nor fitting for [her] sex»⁴. Также он счёл неприемлемой критику духовенства, которая исходила от женщины. Сама Хатчинсон утверждала, что бог явил ей себя лично, а также, что она могла видеть избранных среди окружающих её людей. С.Хоув в истории этой женщины привлекает то, что Хатчинсон близка к сакральному. Кроме того, сакральное является ей, во-первых, в непосредственной близости пространства wilderness, а во-вторых, в результате её личной, независимой от патриархальной культуры, трактовки Библии. Также Хатчинсон является носителем идеи свободы, т.к. в своих проповедях она затрагивала проблемы свобод и достоинства женщин, что впоследствии стало ещё одним пунктом обвинения, выдвинутого против неё. Хатчинсон мастерски защищала сама себя на суде, но её аргументы остались не услышанными. В конечном итоге она осознаёт, что её обвиняют не столько в искажении религиозных догм, сколько в том, что она попыталась покинуть гендерную нишу, отведённую ей авторитарным патриархальным обществом, и найти действительно своё место. Её изгнали из колонии «as being a woman not fit for our society», а по итогам церковного суда ещё и отлучили от церкви.

Энн Хатчинсон в своей интерпретации сакрального отказывается опираться на философию беспрекословного повиновения, которая является гарантией жизни, и предпочитает ей мистическую веру в благодать. Пуританская и квакерская веры имеют много общих черт, квакеры не признают авторитаризма священного писания, и в своей интерпретации сакрального опираются на ряд других источников, многие из которых имеют светский характер. Свободно обращаясь с религиозным первоисточником, квакеры свободны и от влияния традиций. Именно свободолюбие пуританской и квакерской веры повлияло на формирование взглядов многих исторических фигур периода фронта.

Энн Хатчинсон, чью жизненную коллизию Хоув рассматривает в книге эссе «The Birth-mark», обращается к богу, но её метод заключается в трактовке и интерпретации Писания. Критическое отношение к этому сакральному для маскулинной культуры тексту позволяет Хатчинсон как бы через фильтр своей феминности увидеть сакральное, продиктованное не авторитарной культурой, пространством а wilderness. Маскулинная культура воспринимает её в этом смысле как мужчину: «You have stepped

³ Howe S. The Birth-Mark.... – P.123.

⁴ Из судебной речи Энн Хатчинсон. Marilyn J. Westerkamp «Anne Hutchinson, Sectarian Mysticism and the Puritan Order» / Church History, Vol. 59, 1990. 15 стр. Questia Media America, Inc. <http://www.questia.com> (Дата обращения 05.02.2009).

out of your place, you have rather been a husband than a wife, a preacher than a hearer, and a magistrate than a subject.» а точнее, обвиняет её в этом, т.к. с точки зрения культуры гендер нерасторжимо связан с биологическим полом, и присваивание чужой гендерной роли – преступление против законов культуры. Пространство wilderness в этом отношении непредвзято – мы уже рассмотрели два случая, когда мужской персонаж, действуя в рамках женского гендера, открывает для себя wilderness, и когда, напротив, Мэри Ровалдсон, следуя патриархальной модели восприятия, не может вырваться из рамок культуры, хотя вплотную взаимодействует с территорией wilderness. Ей цивилизация позволяет работать с текстом, т.к. текст, который она создаёт, отвечает требованиям культурной традиции того времени; это хроника – самый патриархальный с точки зрения С.Хоув жанр. Хроника – главный текстовый инструмент истории, авторитарный способ редактирования мирового дискурса.

Энн Хатчинсон – истинная пуританка, том смысле, что пуритане и прочие религиозные общины бежали из Европы в Америку, чтобы свободно исповедовать свою религию. В этом стремлении связаны три доминанты поэтики произведений С.Хоув – свобода, интерпретация (и свобода интерпретации в т.ч.) как главный инструмент обращения с текстом, и сакральное. Хатчинсон, через трактовку Библии, идущую не от догматов культуры, а от её феминной природы, ищет своё понимание писания, а находит, помимо этого, ещё и собственный голос. Но, так как женщина в парадигме мужской цивилизации нема, то проповеди, которые читала Хатчинсон своей пастве, в число которой входили и мужчины, привели её сначала под суд, а потом и за границу культуры, которая отказалась от неё. Для С.Хоув Хатчинсон как исторический персонаж является воплощением внутренней свободы. Она, как и все женские образы Хоув, подвергаясь физическому преследованию, выбирает абсолютно «женскую» тактику непротивления насилию, отрицая ценность физического существования, и опираясь только на своё ощущение сакрального. В речи на суде она заявляет, что не испытывает страха перед обвинителями, так как боится только Бога и одновременно уповает на него, потому что он возложил на неё важную миссию и потому поможет избежать кары.

Оказавшись за границей культуры, Хатчинсон в каком-то смысле теряет антропоморфные черты. Во время процесса Хатчинсон находилась на достаточно большом сроке беременности, а эмоциональное и физическое перенапряжение во время суда, переезды с места на место по территории wilderness в поисках нового жилья и прочих средств к существованию спровоцировали выкидыш. Последствием этой личной драмы оказался документ (по сути, медицинская справка) в которой плод Хатчинсон

был описан как фантастическое чудовище, к появлению которого якобы имели отношения дьявольские силы. Маркированность «цивилизованного» восприятия проявляется в простой и неоспоримой логике, подразумевающей, что у женщины, отлучённой от церкви, должен был родиться дьявольский ребёнок. Хатчинсон – персонаж в поэтологической системе Хоув родственной Хоупу Атертону. Однако её финальное бегство в wilderness практически добровольно, несмотря на вынесенный судом приговор. Атертон же стремится обратно в цивилизацию. Хатчинсон, подвергаясь гонениям, тоже совершала подобные попытки, но когда ей это не удалось, она нашла своё место на периферии, организовала быт и семейную жизнь в другом месте и продолжила следовать своим религиозным убеждениям.

Пространство Wilderness поощряет религиозную свободу. Ровалдсон-пленница получила Библию от одного из индейцев, и когда она с позиций своего цивилизованного сознания с недоверием отнеслась к тому, что индейцы позволят её читать, сами индейцы убедили её в обратном. Хатчинсон, фактически выбрав wilderness, также больше не испытывает идеологического давления при интерпретации сакрального.

Некоторые исследователи, в частности, Р.Ц.Бэк⁵, называют С.Хоув пуританским поэтом, однако нам это утверждение, основанное, скорее всего, на том, что героинями произведений Хоув являются женщины-пуританки, кажется неправомерным. Их пуританство для С.Хоув – это лишь показатель стремления найти собственный голос и место за границей культуры вне общепринятых парадигм. Это всего лишь метафора творческого поиска, а сам поиск происходит в процессе бегства от культуры.

Самобытная интерпретация христианской веры как системы ценностей выступает как цель и средство бегства от культуры. Культура разлагается и обречена на гибель. Это происходит, согласно мнению А.Тойнби⁶, в силу того, что в рамках цивилизации как некой системы принципов и знаков, сакральное подвергается профанации. В качестве одного из примеров разложения А.Тойнби приводит перемену ценностей, сопряжённую с переменной смысла слов, которая была следствием извращения клира, равно как и мира, в условиях средневекового западного христианства⁷.

Отсюда, согласно Тойнби, следует, что в распадающемся обществе спаситель может появиться в самых различных одеждах, меняя в зависимости от

⁵ *Back R.T. Led by Language: The Poetry and Poetics of Susan Howe. The University of Alabama Press. Tuscaloosa and London, 2002.*

⁶ *Тойнби А.Дж. Постигание Истории (Сборник). – М.: Прогресс, 1991.*

⁷ Там же. – С.530.

ситуации и стратегию, и тактику. Однако всех их будет объединять одно – стремление хотя бы удержать линию фронта, а по возможности – и продвигнуться дальше. Все они начнут свои действия, стратегически отступая от распадающейся социальной структуры Настоящего. Спаситель-архаист и спаситель-футурист будут стараться уклониться от встречи с противником. Архаист будет стремиться избежать его, заняв оборону в цитадели Прошлого, куда враг никак не сможет последовать за ним. Футурист попытается достичь того же результата смелым маневром прыжка в неведомое будущее. Остаются две другие альтернативные стратегии – отрешения и преобразования. Здесь спаситель появляется в совершенно другом одеянии. На пути отрешения он явится философом, скрывающимся под маской короля, а на пути преобразования – Богом, воплотившимся в человеке⁸.

Хоув, как носительница своего рода антикультуры, пытается избежать краха, выбравшись за пределы гибнущей цивилизации, а не спасая её. Мужчина в поэтике Хоув, напротив, пытается сохранить культуру, причём его модель поведения совпадает с описанной Тойнби базовой моделью, которую исследователь называет «спаситель с мечом». Тема истории важна в творчестве С.Хоув, она постоянно выступает как способ связать разрозненные элементы разных дискурсов и сюжетов. Поэтому модель поведения спасателя-архаиста очень близка женским персонажам её произведений, а также лирической героине.

Согласно Тойнби, архаистическая реакция на мучительный опыт столкновения с иноземной социальной силой, намного превосходящей по силам свою жертву, как правило, характерна для общества примитивного склада. Казалось бы, нет причины, неизбежно толкающей этих варварских спасителей-архаистов на путь насилия, однако эмпирический анализ показывает, что на практике варварский спаситель с машиной времени прибегает к помощи меча значительно чаще, чем его аналог, пытающийся встать на архаистический путь ухода от скорбей и невзгод распадающейся цивилизации. Единственными варварами-спасителями с машиной времени, отвергающими насилие, оказались пророки краснокожих индейцев в период, когда этих первобытных жителей Северной Америки теснила волна европейских поселенцев, весьма агрессивного настроенных и изгнавших коренное население с насиженных мест. Но даже последователи краснокожих индейцев, исповедовавшие спасение через непротивление, были, в конце концов, доведены до полного отчаяния и стали призывать своих соплеменников к вооруженной борьбе. В большинстве же своем варвары-спасители вступали на историческую сцену с машиной времени в одной руке и мечом – в другой.

Однако Хоув в своей интерпретации американской истории периода фронта ориентируется скорее на конечный результат – т.е. на тот факт, что коренному населению всё-таки пришлось выйти за границу наступающей культуры, и уже по прошествии длительного периода времени индейская культура так и осталась отграниченной, резервационной. Индейский поиск идентичности проходит не внутри сложившейся культуры европейской гегемонии, а где-то в маргинальной области. Он принимает во внимание культуру белых, но чётко и однозначно отграничивается от неё. Североамериканские индейцы входят в группу, которую Тойнби называет «варвар-мученик». Мученичество подразумевает жертвенность, а жертвенность в контексте произведений С.Хоув подразумевает феминность.

Ещё одной моделью спасителя культуры является философ в маске короля. Философия, согласно А.Тойнби, это средство спасения, которое не требует ни помощи машины времени, ни меча, оно было выдвинуто на первом этапе эллинского смутного времени величайшим из эллинских знатоков искусства отрешения, Платоном. «Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди – их много, – которые ныне порознь стремятся либо к власти, либо к философии, до тех пор, дорогой Главкон, государствам не избавиться от зол, да и не станет возможным для рода человеческого и не увидит солнечного света то государственное устройство, которое мы только что описали словесно»⁹. С.Хоув также интересуется философией как проявление патриархального рационализма, который ведёт в конечном итоге к профанации знания. Она пишет о философе-феноменологе Чарльзе Пирсе¹⁰, но в первую очередь её интересует его жена Джульет. Это ещё один женский образ, которым Хоув иллюстрирует сакральную природу женского сознания, и показывает, что женщина в патриархальном обществе находится в положении жертвы. Пирс как философ не просто пытается спасти культуру, он, как и Джонатан Свифт¹¹, является её двигателем. Как и Свифт, в своей деятельности он опирается на жен-

⁹ Платон. Государство. Книга пятая.

http://bookz.ru/dl2.php?id=11799&t=z&g=30&f=gosudarstvo&a_id=1152 (Дата обращения 03.02.2009)

¹⁰ Susan Howe. Pierce-Arrow. A New Directions Book. – New York: 1999

¹¹ Историю взаимоотношений Джонатана Свифта и Стеллы (Эстер Джонсон) С.Хоув берёт за основу сборника стихотворений «THE LIBERTIES», который предваряется прозаическим вступлением «Fragments of the Liquidation», где Свифт фактически обвиняется в том, что во многом притеснял Стеллу, главную женщину в его жизни. С.Хоув акцентирует тот момент, что «Дневник для Стеллы» – произведение эпистолярного жанра – сохранился не полностью, и письма Стеллы к Свифту не были опубликованы, т.е. Свифт как бы «ликвидировал» Стеллу из истории.

⁸ Там же. – С.531.

щину. О Джульет, равно как и о Стелле, известно очень мало, а доступные сведения противоречивы и недостоверны. Хоу подчёркивает тот факт, что Джульет скрывала своё прошлое. Возможно, до брака с Пирсом она уже была замужем, возможно, что в роду у неё были цыгане. Загадочность этой фигуры даёт Хоу простор для художественной догадки и интерпретации. Джульет как бы помогает своему рационалистичному мужу обратиться к мистической стороне; Хоу отмечает, что Джульет часто гадала Пирсу на картах, хотя, казалось бы, рациональный ум основателя прагматизма это должно было бы немало раздражать. Джульет контактирует с пространством wilderness – когда в округе появляются цыгане, она всегда оказывает им тёплый приём. Она оказала большое влияние на работу Пирса при его жизни, пройдя с ним через нищету, и к тому же после его смерти сыграла значительную роль в том, чтобы его работа не пропала. При этом её судьба сходна с судьбой Эстер Джонсон – её тоже ждёт забвение.

Персонаж-философ произведений С.Хоуу сталкивается с тем же противоречиями, что и философ-спаситель у А.Тойнби. Тойнби отмечает, что парадоксальность модели «философ в маске короля» состоит в том, что философия требует отречения, а

правление, т.е. любая власть, никак не может его подразумевать. Философ С.Хоуу подвергается влиянию двух противоположных начал: основанной на насилии патриархальной цивилизации, и сакрального, выраженного через феминное начало.

Кроме того, Чарльз Пирс был тем, кто создал понятие семиотики, он связан с природой знака, а это очень важно для Хоуу, т.к. во-первых, знак связан с языком, а во-вторых, один знак часто может быть интерпретирован по-разному. Неограниченность интерпретации очень важна для Хоуу, так как на принципе «сказать всё и в то же время не сказать ничего» зиждется принцип сакральной речи женщины. Отсюда же исходит её онтологическая немота.

Гендер персонажей в произведениях Хоуу отличается большой гибкостью. Можно сказать, что персонажи вольны сами определять свой гендер. Они всегда оказываются перед этим выбором. Персонажами произведений С.Хоуу часто являются реально существовавшие лица. Они сами, и тот гендерный выбор, который они совершают, символизируют тот путь исторического развития, по которому идёт человек, заключённый в корсет построенной на жёсткой иерархии патриархальной культуры.

THE GENDER OF THE CHARACTERS IN THE POETICS OF SUSAN HOWE

© 2009 J.A.Plakhotya^o

Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities

In the following article entitled «The Gender of the Characters in the Poetics of Susan Howe» the author dwells upon the problem of gender manifestation of the characters. In her opinion it can be revealed through the characters' thoughts and actions under the suppression of some extreme situation. The author also regards concepts of «masculine» and «feminine» as referring to two types of space – the profane space of culture and the sacred one of wilderness. The space of wilderness is also treated as the motto which can stimulate gender self-identification of characters.

Key words: Susan Howe, the 20th century poetry, gender, women's poetry, history

---

^oPlakhotya Julia Anatolievna, The post-graduate student of faculty of Romance philology.
E-mail: jabotikaba@yandex.ru